

Глава 18

«Что грёзы, что реальность есть лишь иллюзия I»

— Что?..

Первым на вопрос Сэйбера отреагировал не кто-то из полицейских, а Аяка, которая до этого слушала без особого интереса.

«Но если причиной всему та маленькая девочка, у вас поднимется рука убить её?»

Она поняла, что имел в виду Сэйбер.

Если выяснится, что именно из-за девочки их затянуло в этот безлюдный мир, они с большой вероятностью смогут вернуться в свой родной мир, если «разберутся» с ней.

Едва эта мысль возникла в её голове... как что-то запульсировало.

Она медленно моргнула, выравнивая дыхание.

Когда Аяка медленно подняла тяжёлые веки... она была здесь.

Дальше по главной улице, различимая между фигурами полицейских.

Она стояла слишком далеко, и поэтому разглядеть лицо было невозможно, но Аяка сразу же её узнала.

Маленькая девочка, чьё лицо было скрыто чем-то вроде красного, красного – просто красного – капюшона.

С одной стороны, могло показаться, что ей где-то три года, с другой – около шести, но Аяка чувствовала, что она была гораздо старше.

Аяка не была уверена в её возрасте или росте.

Глаза воспринимали лишь красный цвет, который проникал в её голову и устраивал там хаос.

«Как?..»

Спустя мгновение... «Красная шапочка» оказалась гораздо ближе.

Она не побежала – нет, прежде чем Аяка успела сообразить, что происходит, девочка уже стояла прямо за спинами офицеров полиции.

Раньше она была видна только на расстоянии, но теперь Аяка отчётливо её видела.

«Красная шапочка» - объект непрекращающегося ужаса Аяки и одна из причин, по которой она отправилась в Соединённые Штаты.

«Но здесь же нет лифта... Почему?..»

«Красная шапочка» обычно появлялась только в лифтах. Аяка даже не была уверена в том, была ли девочка настоящей или всего лишь галлюцинацией.

Однако с момента прибытия Аяки в Сноуфилд правила начали меняться.

Аяке казалось, что она чувствовала рядом присутствие «Красной шапочки» каждый раз, когда она была на грани того, чтобы что-то вспомнить в этом городе.

Всё её тело покрылось холодным потом, но она не могла отвести взгляд.

Она видела, как капюшон «Красной шапочки» шевельнулся, когда та медленно повернула к ней голову.

«О нет. Нет».

«Не знаю, почему, но мне придёт конец. Если я увижу лицо под этим капюшоном, то буду обречена».

Даже если бы ей захотелось закричать, её лёгкие были так напряжены, что она едва могла дышать.

Страх так сильно парализовал её, что она не могла даже закрыть глаза, не говоря уж о том, чтобы отвести их в сторону. Капюшон «Красной шапочки» поднялся ещё сильнее. Но когда Аяка уже могла видеть её ухмыляющиеся губы, девочка пропала из виду.

Из-за Сэйбера, который наклонился, чтобы заглянуть Аяке в лицо.

— В чём дело, Аяка? Ты такая бледная, словно призрака увидела.

В то же время тело Аяки освободилось от паралича.

Она быстро бросила взгляд за спину Сэйбера, но там больше ничего не было.

— А... пустяки. Просто отвлеклась на неприятные мысли.

— На тебя иногда такое находит. Ты под проклятием? Я могу попробовать снять его, если хочешь.

— Спасибо, но... дело не в этом... наверное.

Отказавшись от предложения Сэйбера, Аяка ещё раз посмотрела на его лицо... и решила обсудить то неприятное чувство, которое, вероятно, и спровоцировало появление «Красной шапочки».

От внезапно охвативших её дискомфорта и тревоги голосовые связки Аяки рефлекторно задрожали.

— Что более важно, Сэйбер... эм-м... девочка, о которой вы говорили, это та, что в коме, да?

— Ага, но она, судя по всему, каким-то образом стала Мастером, так что...

— Нет... Я не к тому... Почему ты спросил «У вас поднимется рука убить её?»... а не просто «Убьёте ли вы её?» — с некоторой тревогой спросила Аяка, ухватив самую суть возникшего внутри неё дискомфорта.

— ...

— Ну... Не знаю, как сказать, но... мне показалось, что ты спрашивал вовсе не то, убьют они её или нет... Прости, если я ошибаюсь... но прозвучало так, будто ты сказал «Если вы не сможете убить её, то это сделаю я»... — произнесла Аяка, тщательно подбирая слова.

Сэйбер на мгновение замолк... после чего со смущённой улыбкой ответил:

— Честно, Аяка, порой ты можешь быть весьма восприимчивой.

— Сэйбер?!

— Подожди, не волнуйся ты так. Я не пытаюсь сказать, что убийство девочки – правильный выбор, и я не хочу убивать её, если этого можно избежать. Мне хочется спасти её так же сильно, как и тебе.

— В-вот как...

Аяка почувствовала облегчение, но успокоила себя и произнесла:

— Тогда почему ты...

Аяке сложно было сформулировать вопрос, но Сэйбер обо всём догадался и ответил, подбирая слова:

— Разумеется, я хочу спасти девочку и не намерен сдаваться. Но если они попытаются убить её, чтобы спасти кого-то ещё, даже если я попробую остановить их... то вряд ли смогу. Если только не применю силу.

Он совсем не походил на того Сэйбера, который беззаботно говорил даже о собственной жизни и смерти.

Он продолжил говорить не как рыцарь или Сэйбер, а как воплощение чего-то другого, не знакомого Аяке.

— И поэтому... если в результате какого-нибудь поворота судьбы мы окажемся в положении, когда кто-то будет вынужден убить её... когда настанет время, *это сделаю я*.

— Почему?! — невольно закричала Аяка.

Она поняла ход его мыслей.

Если «жертва» станет совершенно необходимой, то кому-то придётся это сделать.

Даже она сама не знала, как поступила бы, если бы ей сказали, что она сможет спасти девочку, но при этом останется в этом безлюдном городе.

«Я бы... наверное... пожертвовала этой девочкой... которую ни разу не видела».

«Нет, я бы точно так и поступила».

Красный цвет.

«В конце концов...»

Красный цвет.

«...я даже позволила...»

Красный цвет.

«...умереть девочке, которую знала».

Яркий, багряно-красный цвет.

Цвет капюшона «Красной шапочки» неизгладимо запечатлелся в её веках.

Она хотела закричать, но не могла.

Если она рухнет прямо здесь, то больше не сможет говорить с Сэйбером.

Не сможет остановить его.

От этой мысли она выдавила слова из глубин своей глотки, несмотря на то, что мир вокруг неё словно закружился.

— Почему?.. Ты не обязан этого делать... Не обязан... Почему?

Её слова прозвучали отрывисто, едва складываясь в вопрос.

Однако Сэйбер постарался уловить её мысль и ответил:

— Да... Полагаю это значит, что я не смог стать одним из рыцарей, которыми восхищался.

Затем он повернулся к полицейским, которые, мягко говоря, были в замешательстве – однако оно и рядом не стояло с замешательством Аяки – и с гордостью заявил:

— Но вы другие. Вы превосходные рыцари.

— Что ты?..

Прервав Веру, Сэйбер, который был королём при жизни, начал восхвалять офицеров, словно превознося достоинства собственных последователей.

— Вы с честью сражались с тем ужасным лучником и выжили! Всё ради того, чтобы спасти девочку, которая не имеет к вам никакого отношения, которую вы даже ни разу не видели! Поэтому вы и впредь должны быть защитниками невинных! Нет, вы *обязаны!* Вы никогда не будете вредить им даже ради защиты других людей или самого общества.

Сэйбер опустил глаза и после секундного молчания, словно глядя на что-то совершенно другое, продолжил:

— Однажды переступив черту, вы потеряете контроль... и поэтому я должен стать тем, кто возьмёт на себя эту ответственность.

— Сэйбер! — вновь закричала Аяка. — Нет! Это неправильно! Ты не такой... Ты всегда улыбаешься и никогда никого не бросаешь!

Аяка не могла понять, почему она кричала так эмоционально.

Но это было нерационально.

У неё было чувство, что если бы она сейчас не закричала, то Сэйбер – Героическая душа, которая до этого могла смеяться вместе с ней – исчез бы прямо у неё на глазах.

Она ничего не знала о Войне за Святой Грааль и подумала, что её слова, наверное, покажутся лишь нытьём опекаемого простака... но всё равно заставила себя высказать то, что поднималось из глубин её груди.

— Ты слишком высокого мнения обо мне, Аяка...

— Это не потому, что я твой временный Мастер. Ты наверняка спас бы даже случайного ребёнка на улице. По крайней мере, в этом я уверена! *Ты не такой, как я!* Не такой! Я не стану говорить, чтобы ты никогда никого не убивал – просить такое эгоистично, и я не имею на это права – но...

В этот момент Аяка на секунду замолкла, не в силах найти нужные слова, но затем стиснула зубы и закричала, выплёскивая чистые эмоции и всё то, что она сдерживала в себе:

— Неважно, если ты в итоге замараешь руки. Это не изменит того факта, что ты спас меня! Но... по крайней мере, не говори, что ты должен стать злодеем...

Наконец она завершила свою страстную речь заявлением, которое пересекло черту.

— Поэтому... если кто-то должен стать злодеем... то это буду я.

— ...

Сэйбер слушал Аяку, которая словно осуждала не его, а саму себя, смотрел на её печальное лицо... и вдруг понял, что видит в ней своих подчинённых.

«Почему, Ваше Величество?! Ричард?!

Вам не нужно было взваливать на себя те грехи! Почему Вы не предоставили всё нам?!

Вы должны были стать героем! Вы могли отдать нам приказ и сделать вид, что ничего не знаете!

Ох, Ваше Величество... Ваше львиное сердце стало чересчур большим. Вы слишком бесстрашны!»

В размышления Сэйбера вклинились слова человека, следовавшего за ним в роли придворного мага.

«Ну надо же. Разумеется, я знал, что до этого дойдёт.

И всё же я пытался тебя остановить. И вот чем всё закончилось.

Опять же, не обернись всё так, здесь, наверное, было бы что упростить.

Тем не менее, даже я, Сен-Жермен, немного потрясён. Даже махатма в шоке.

Да, точно! Именно! Ты удивительно смел! Человек с сердцем льва!

Именно поэтому в тебе нет страха! Ты вообще ничего не боишься!

Ни десятков тысяч врагов, ни генералов, которые тебя превосходят, ни мистического возмездия, ни сверхъестественных тварей...

Ни даже того, чтобы запятнать собственные руки... кровью бесчисленных невинных».

И наконец... словно проклятие из далёкого прошлого, он вспомнил слова своего родного младшего брата.

«Ох, что за беспокойство, брат?

Сколько бы крови ни было на твоих руках, люди этих земель всё равно находятся у тебя в подчинении.

Почему-то мне кажется, что такая уж у меня работа, брать на себя твои грехи и терпеть град брошенных в меня камней.

Что думаешь? Из меня ведь неплохой клоун получился? Давай, смейся, брат!

Смейся... Тебе повезло. Ты национальный герой, не так ли?

Если ты герой... тогда смейся».

— Вот как...

Сэйбер закрыл глаза и на секунду замолк.

Когда он снова их открыл, блеск смирения, похожий на бледный огонь, исчез, вернув ему прежний взгляд.

— Как обычно, ты замечаешь даже мельчайшие детали, Аяка... хотел бы я так сказать, но ведь это не совсем так, верно?

— Разумеется, нет. Встреча с тобой больше не является для меня мелочью.

— Ладно, в этот раз я уступлю. Но предупреждаю, в следующий раз я так просто не сдамся.

— Чего?! Это было состязание?..

Сэйбер притворно проигнорировал смущённую Аяку, которая смотрела на него, широко распахнув глаза, и заявил в своей привычной манере:

— Я едва ли могу заставить Аяку взять на себя грязную работу, а сделать это самому она не позволит... поэтому придётся просто спасти девочку, даже если это будет стоить мне жизни! И тогда мы все спокойно покинем это место!

— Сэйбер?..

Сэйбер ослепительно улыбнулся Аяке, которую его внезапное возвращение к обычному поведению ввергло в замешательство.

— Это не будет проблемой. В этом мире-барьере нашей отправной точкой была церковь. Как насчёт того, чтобы взять под защиту девочку, которая выбыла из игры, вместо священника и присвоить себе лавры Наблюдателя?

— Хорошая идея... Я помогу.

Аяка облегчённо улыбнулась... но затем внезапно возникшее смутное предчувствие вызвало смятение на её лице.

— Церковь... защита...

— В чём дело? — спросила обеспокоенную Аяку молчавшая до сего момента Вера, осознав что беседа девушки и Слуги подошла к концу.

— Кажется, — глубоко задумавшись, нерешительно произнесла Аяка, — я уже где-то видела того парня в золотой броне...

— Что?

— Но... где?..

Аяка пыталась что-то вспомнить.

Её не оставляло чувство, что она узнала ту золотую Героическую душу, которая пыталась убить Ричарда с высоты церковной крыши.

А ключевые слова «церковь» и «взять дитя под защиту» неистово сотрясали её мозг, запертый на изношенный ключ.

Но с каждым импульсом она отчётливо чувствовала присутствие «Красной шапочки» и боялась, что «она не должна больше ничего вспоминать» держало дверь к её воспоминаниям на замке.

«Я знаю, что должна вспомнить...

Тогда почему?..»

Аяка отчаянно пыталась ухватить свои воспоминания.

У неё было чувство, что «Красная шапочка» стояла прямо рядом с ней.

У неё было чувство, что она пыталась что-то ей сказать.

У неё было чувство, что она могла слышать голос «Красной шапочки».

Аяка пыталась пересилить страх и продолжать думать... пока не увидела, как озираются Сэйбер с полицейскими, и поняла, что сотрясался не только её мозг.

— Что?.. — подозрительно пробормотала она и тотчас же ощутила своими ступнями вибрацию земли.

— З-землетрясение?!
«Нет, не землетрясение.
К нам что-то приближается...»

Дрожь становилась всё сильнее, и затем... из-за здания показалось «оно».

Огромный угольно-чёрный пёс более пятнадцати метров ростом.

Всё его тело испускало похожий на миазмы дым. Языки пламени такого же чёрного, как и шкура, цвета постоянно сочились из челюстей – челюстей трёхголового монстра, благословлённого Аидом.

×

×

Несколько лет назад. Где-то в Европе.

— Значит, ты примешь предложение? Сама я планирую воздержаться.

Маг, чья манера речи создавала впечатление хитрого человека, обладал внешностью юной девушки.

Судя по одежде, она могла быть безбедной молодой леди из хорошей семьи, но несмотря на это, ворон, который сидел у неё на плече, выглядел странно уместным, и создавал впечатление, что она была необычной девушкой.

Она была магессой, которая пусть и была частью Часовой башни, но при этом держалась от неё подальше, поскольку не любила царившую там борьбу за власть.

Несмотря на сладкий голос, её манера речи была свойственна, скорее, пожилому человеку. Поговаривали, что ей на самом деле было более восьмидесяти лет, или же это было результатом унаследования Магических цепей, в которых было полно знаний предыдущих владельцев, однако истина оставалась тайной.

И эта девушка, создававшая впечатление опытного человека, говорила с заклинательницей, чья аура соответствовала юному облику.

— Потому что Вы хотите защитить магическое общество?

— Ха-ха! Если бы одного ритуала было достаточно, чтобы уничтожить наше общество, то оно бы уже давно сгнуло... хотела бы я так сказать... но если верить последним слухам, то этот ритуал далеко на востоке ступил на весьма опасную территорию. Мне показалось странным, что эта «Война за Святой Грааль» не привлекла много внимания, несмотря на то, что в одной из них погиб Лорд десять лет назад... но, похоже, поток информации кто-то выправлял.

Война за Святой Грааль.

Мелкий ритуал на дальнем востоке, на который не обращали особого внимания до проведения «пятого ритуала» несколько месяцев назад.

Им не удалось узнать деталей того, что тогда произошло или что было достигнуто в итоге.

Тем не менее, ходили правдоподобные слухи, что если бы всё обернулось плохо, то это могло бы стать одним из «концов», которые пророчили отшельники из Института Атлас.

— Ни один уважаемый маг не согласился бы на столь абсурдное предложение, как воссоздание этой Войны за Святой Грааль в Америке, особенно без поддержки Ассоциации магов. Они обратились к тебе из-за твоей ненависти к Ассоциации, несмотря на качество твоей родословной... по крайней мере, я так думаю. Я очень уважаю твои таланты, но когда дело касается этого монстра – Франчески – то индивидуальные способности, в лучшем случае, стоят на втором месте.

— Меня это не волнует.

Девушке, которая стояла перед магессой с вороном на плече, не было даже пятнадцати лет от роду.

Несмотря на это, её взгляд был исполнен смирения перед всем миром, а слабый блеск глубоко в её глазах исходил от тёмного пламени ненависти.

По крайней мере, магесса с вороном была в этом убеждена.

— Между нами говоря, однажды, когда я участвовала в аукционе на «Рельсовом цеппелине», мне удалось мельком увидеть Призрака прошлого... одну из Героических душ. Она не была фамильяром – скорее, тенью человеческого порядка, запечатлённого в самой Земле. Не думай, что можешь использовать одну из них для личной вендетты и выйти сухой из воды.

— ...

— Если хочешь уничтожить что-то большое, то за это надо заплатить цену, — продолжила говорить магесса с вороном, обращаясь к девушке, которая слегка сжала кулаки и опустила взгляд. — Уничтожение Ассоциации магов равносильно тому, чтобы стать врагом самого магического общества. Многие готовы к тому, что в итоге их ждёт уничтожение, но не забывай – твой дед, отрёкшийся от человечности, был одним из них... и наоборот. Чем больше то, что ты хочешь уничтожить, тем быстрее ты будешь уничтожена сама. Называй это «предоплатой».

— Взгляни на магов, — сказала хитрая магесса с юной внешностью девушке-заклинательнице, чьим законным опекуном она стала, — они стремятся нарушить законы природы и достичь Истока. И все они сломлены, разве нет?

На губах магессы возникла слегка самоуничижительная улыбка, после чего с её лица исчезли все эмоции, и она спросила девушку, ставшую её подопечной:

— Харли Борзак, ты сломаешься как человек или как маг?

— Ни то, ни другое, мэм, — прямо ответила девушка по имени Харли магессе, которая намного её превосходила. — Я уже давным-давно сломлена. Теми людьми из Часовой башни...

— ...

— Мои отец и мать были обычными магами... однако их заклеями еретиками и лишили всего только ради того, чтобы Часовая башня смогла заполучить результаты исследований, доставшиеся им от дедушки, который отбросил свою человечность!

— Тебя не лишили жизни, не так ли? Благодаря быстрому осознанию, Борзаки пусть лишь частично, но успели передать тебе свою метку и позволили сбежать. Если свяжешься с этим существом – с Франческой – то все их усилия станут тщетными.

Тон магессы слегка помрачнел, но Харли даже бровью не повела.

Увидев это, её опекунша негромко вздохнула и покачала головой.

— Будь ты магом, ты бы смирилась с произволом Часовой башни как с чем-то «само собой разумеющимся»... но ты не была магом, когда пожелала мести за родителей. Ты ещё не сломлена. Ты могла бы начать всё с начала. Могла бы остаться в тени и использовать магию, чтобы сделать жизнь немного проще.

Несмотря на эти слова, она больше никак не попыталась остановить Харли.

Харли была лишь её подопечной, не ученицей, и их отношения не были навязаны магией. Должно быть, она решила, что вмешиваться дальше – не её путь.

У неё был долг перед потомком Борзаков, её знакомых, однако этот долг не сменится состраданием так просто.

Может, она и отдалилась от Часовой башни, но она всё ещё была магом.

— Я думаю, что Лорд, которого я видела на «Рельсовом цеппелине» - Эль-Меллой II, кажется, с готовностью примет к себе даже того, кто не в ладах с магическим обществом, но, полагаю, будет грубо задерживать тебя дольше.

Глаза ворона зловеще сверкнули, когда магесса удалилась, исчезая во мраке.

Она шла как девушка её очевидного возраста, которая заблудилась в ночи, но ворон, сидевший у неё на плече, не сводил своего пугающе острого взгляда с Харли.

— Никогда не забывай, Харли, — раздалось слова, когда они растворились во тьме.

Они слетели с губ магессы или же вырвались из клюва ворона?

Девушка, барабанные перепонки и позвоночник которой охватила дрожь, больше не могла сказать наверняка.

— Неважно, насколько ты готова к тому, чтобы сломаться...

Однако последние слова обратились эхом, глубоко засевшим внутри заклинательницы Харли.

— Подготовка ничего не значит перед лицом *того, кто сломлен с самого начала.*

×

×

Настоящее. Сноуфилд. Престижный жилой район.

— Хм-м... — раздался в *настоящем* Сноуфилде женский голос. В нём была какая-то нереальная красота. — Я была уверена, что он сразу же бросится сломя голову выслеживать меня... но Уту высоко в небе, а он по-прежнему не дал о себе знать. Он на удивление осторожен, учитывая, что его лучшего друга только что сокрушили.

Сноверк, престижный жилой район, крупнейший особняк которого принадлежал владельцу казино в центре города.

По крайней мере, публично.

Владелец был всего лишь ширмой, выставленной во время возведения города – бизнесменом, который рано ушёл из жизни в результате болезни и всего лишь выглядел живым.

На самом деле казино управлял один из магов «внутреннего круга», который с помощью магии принял облик умершего бизнесмена, дабы вводить общественность в заблуждение, когда появление владельца на публике было необходимо.

В результате у этого изысканного особняка, который вполне мог бы принадлежать какой-нибудь мелкой голливудской звезде, не было настоящего владельца. Его единственными посетителями были работники, которые поддерживали минимальный уровень обслуживания здания.

И всё же...

В данный момент в этом особняке, как у себя дома, обосновалась одна группа.

На белоснежном диване, который, вероятно, сам по себе стоил как небольшой дом, расположилась женщина. Она просто сидела, но впечатление складывалось такое, будто с неё можно было нарисовать идеальную картину вне зависимости от художника или угла обзора, поскольку она являлась самым олицетворением слова «красота».

— Ну да ладно, неважно. Всё равно я хочу позволить Гугаланне избавиться от этого мусора.

Девушке, у которой этот образ огнём запечатлелся прямо в глазах, ещё даже не было двадцати лет.

Харли Борзак с мрачным видом наблюдала за этой богиней – женщиной по имени Филия, сидевшей на диване – из угла огромной комнаты.

— Почему ты такая подавленная?

— Вы не могли бы назвать своё имя? — ответила Харли на вопрос Филии тоном, в котором смешались осторожность и страх.

— О, ты всё ещё не выкинула это из головы? Я ведь уже говорила: если ты поняла, насколько я очаровательна, то больше тебе знать ни к чему.

— Сейчас... я не только очарована. Ещё я боюсь. Знаю, я сказала, что меня заботит лишь то, что Вы меня спасли... но раз уж мы будем сражаться вместе, то я, по крайней мере, хочу знать, как Вас зовут.

Харли была в ужасе, но всё же смотрела Филии прямо в глаза.

— О? — отозвалась Филия со слегка чарующей улыбкой. — Я гляжу, ты стала пугающе самоуверенной.

— Вы сказали Баздилоту и его Слуге, что Вы богиня. Мне, как магу, сложно в это поверить... но Вы не маг, в этом я уверена. Вы – нечто, стоящее гораздо «выше»... не так ли?

— Этот вопрос настолько очевиден, что я даже не знаю, как на него ответить. То есть всё, что я могу сказать, это «разумеется», а это так скучно.

Пожав плечами, Филия сделала глоток из своего бокала. Даже это движение было настолько прекрасным, что Харли едва не поверила в то, что перед ней находилась идеальная форма отдыха.

— И всё же, полагаю, в чём-то ты права. Я практически прикончила Гильгамеша, и теперь мне в принципе незачем скрывать своё имя... да ведь? И это ведь я сказала тебе обратиться от больницы подальше, поскольку иначе ты бы, наверное, угодила туда и погибла.

Подумав немного, Филия неторопливо поднялась с дивана и продолжила:

— Слова, которые я сказала тому Авенджеру и его Мастеру, не были фигурой речи. И нет, я не женщина, которую называют богиней. Я и есть самая настоящая богиня.

— Что?

— Я богиня красоты, покровительствующая обильным урожаям, дарующая удачу, славу и крах воинам сиянием Венеры и защищающая людей... Этих намёков достаточно для мага вроде тебя, верно?

— !..

У Харли перехватило дыхание, когда ей сказали, что слово «богиня» следовало воспринимать буквально.

Однако она отчасти ожидала этого и не поддалась сомнению или замешательству.

Ей хотелось бы ошибаться, но она уже вверила свою жизнь в руки Филии, а отказываться было поздно.

И вот множество обронённых Филией обрывочных намёков навело её на имя.

— Богиня Венеры... Афродита... Венера... Астарта. Нет... Ещё древнее... Инанна?

— Да, это тоже «я», но мне больше по душе моё шумерское имя. Правда, всё зависит от настроения при воплощении.

— Богиня... Иштар.

— Верно. Хорошо, что ты всё правильно поняла, да?

Филия поставила всё ещё наполовину полный бокал на мраморный стол. Непринуждённой походкой она пересекла комнату, взяла пульт от телевизора и нажала кнопку.

Она переключала каналы, пока её внимание не привлёк «магазин на диване», а именно сегмент с ювелирными изделиями.

— Огранка великолепна, — с огромным интересом пробормотала Филия. — Магия пришла в упадок, но если упор на развитие технологий привёл к такому результату, то это, пожалуй, не так уж плохо. Мне, конечно, больше по душе ремесленники Урука, но... Что ж, я буду уважать точности этой эпохи, если придётся.

Филия с радостной улыбкой начала играть с драгоценностями, которые она нашла в этом доме.

— В конце концов, все техники и вкусы сводятся к тому, идут они мне или нет.

Их, вероятно, создали для отвода глаз или в качестве мистических катализаторов для настоящего владельца особняка, но любой из них вполне мог стоить более пятидесяти тысяч долларов в обычном ювелирном магазине.

Однако Харли не могла отделаться от чувства, что цена здесь была не при чём.

Будь это даже дешёвые камушки, стекляшки или мраморные шарики, просто будучи в её руках, они, казалось, сразу же становились гораздо ценнее и превращались в эталон драгоценностей.

- Богиня красоты...

Да, она была настолько прекрасна, что даже прямой взгляд на неё казался неуважением.

В то же время это пугало Харли.

Поистине идеальная красота сама по себе могла стать великой – почти Истинной – магией.

К примеру, до Харли доходили слухи о «Золотой и Серебряной принцессах» семьи Изельма, могущественных магов Вальюэ, факультета созидания Часовой башни. Эти близнецы представляли собой абсолютную красоту, своевольный продукт поколений магических изысканий. Судя по всему, они проецировали идеальную «красоту», которая одним лишь своим существованием лишала сознания всех вокруг. Харли никогда не видела их лиц, но предположила, что эта богиня красоты была чем-то совершенно иным.

Если принцессы Изельма были результатом усилий поколений магов, стремившихся приблизиться к Истоку с точки зрения «красоты» и достигли уровня, на котором их физические тела, казалось, отражали саму вселенную, тогда эту богиню необходимо было относить к совершенно другой категории, которая, так уж получилось, тоже использовала слово «красота».

В конечном итоге «красота» семьи Изельма была средством достижения Истока. Если бы они добились этой цели, то это была бы область, достойная называться «неземной красотой».

Что иронично, эта богиня обладала полной её противоположностью – потусторонней «красотой», подобающей небесам, но применённой к земным формам. Можно было назвать это конечной целью «красоты», поскольку она была близка к человеческой сфере. «Завершённый продукт», рухнувший с недостижимых высот и окрасивший собой всё вокруг.

Самопровозглашённая богиня выглядела так, словно всё её окружение начало подчиняться закону золотого сечения. Её существование нарушало все возможные правила.

Если человеческое чувство прекрасного есть способ избежать кризиса или механизм удовольствия, разработанный для выживания, то её красота была чем-то противоположным.

Её красота была чем-то дарованным людям.

Богиня знала, что обладает идеальной красотой и является её стандартом. Как итог, она должна расценивать красоту как нечто неизбежно принадлежащее ей, а процесс изучения себя – следовательно, как нечто совершенно чуждое.

Девушка невольно думала так, несмотря на то, что богиня просто стояла перед ней. Вот почему Харли восхищалась её свободой и в то же время боялась, что её

уничтожат, стоит ей хотя бы слегка отклониться от эстетических вкусов этого существа, выходящего за рамки человеческого понимания.

Харли переполняло чувство, достойное называться «благоговением». Она поборола желание рухнуть на колени и высказала сомнение, которое внезапно пришло ей в голову.

— Я думала, что призвать божество на Войну за Святой Грааль невозможно...

— Так оно и есть. Святой Грааль, как правило, на такое не способен. Существует несколько едва ли не еретических способов повернуть такое, но призвать божество моего уровня с помощью такого локализованного ритуала не представляется возможным. В особенности с *фальшивым* Святым Граалем, который утратил свою функцию. Но... если ты, например, загадаешь Граалю желание в конце ритуала, то, возможно, заставишь меня, по крайней мере, выслушать тебя.

— Тогда как... — не унималась Харли.

— Я всего лишь воплотилась здесь, — беспечно ответила богиня внутри Филии, — потому что пробудилась сила, которую я оставила в этом мире с самого начала.

— Сила?

— Именно. Моё благословение этому миру.

— ?..

Её пребывание здесь было результатом благословения, дарованного миру.

На лице Харли было ясно написано, что она не поняла сказанного богиней. Филия пожала плечами и продолжила:

— Разумеется, для тех хулителей это, скорее, проклятие.

— То есть... сила богини Иштар находится в этом «сосуде»?

— Не только сила, но и моя личность. Правда, для существ вроде нас это, по сути, одно и то же... Видишь ли, в это тело просто была заложена программа. Переписать её было проще простого. Думаю, она – жертвенная дева, приготовленная в качестве последнего вместилища для силы Грааля. Ну, или что-то в этом роде.

Похоже, богиня не была заинтересована в происхождении своего сосуда. Она вернулась к разговору о себе, радостно глядя на ювелирные изделия.

— Было время, когда мы могли воплотиться в нашей истинной форме, но если бы я поступила так в этот раз, то люди этого города уже давным-давно взорвались бы и погибли.

— Тела современных людей не могут выдержать магическую энергию Эпохи богов...

Харли уже слышала прежде нечто подобное.

Эпоха, когда люди и боги сосуществовали друг с другом, закончилась, и магическая энергия начала исчезать из мира. Человечество приспособилось к новым условиям, их тела изменились и больше не могли выдержать то, что когда-то переносили с лёгкостью.

Харли не знала, была ли это эволюция или же регресс. Люди не могли выжить при слишком высокой концентрации кислорода в воздухе. Точно так же они уже начали расходиться с миром магии. И не только на социальном уровне – за

исключением магов и заклинателей, которые на самом деле продолжали использовать магическую энергию.

— Ну, я не могу воплотиться по другой причине. Даже если воссоздать те же условия и попытаться призвать меня... полагаю, было бы благородно, если я бы я сочла это жертвоприношением, но какой в этом смысл, если не осталось людей, поклоняющихся мне в обмен на защиту?

— Тогда к чему все эти сложности?... Зачем воплощаться в этой эпохе?..

— Сказала же, я просто даровала благословение этому миру. Оно просто успешно пробудилось.

В этот момент богиня прищурилась и сверкнула чарующей улыбкой.

— Едва верится в то, что нечто такое всё-таки произошло... Хочется даже поаплодировать той мне, что всё это затеяла.

— ?

Видишь ли, когда царь-богохульник оскорбил меня, а тот мусор бросил мне потроха моего божественного зверя, я благословила этот мир. Я отдала себя всю и в итоге исчезла, растворилась в человеческом порядке.

Страх есть красота, а красота есть первобытный страх.

Именно так казалось Харли, когда она смотрела в глаза Филии.

При виде острых черт её лица у Харли похолодела кровь. Они были слишком красивыми – если бы она стала объектом её ненависти, то не только не смогла бы противиться, но и испытывала бы самую настоящую благодарность.

Доведённые до идеала ярость и ненависть богини красоты.

Если быть точнее, «осколок» страстей божеств, когда-то правивших этой планетой, разжигал древний гнев в сосуде по имени Филия.

— Если *те двое* когда-либо вернутся на эту планету и воссоединятся...

Представ перед чудом того, что она всё-таки явилась сюда, несмотря на бесконечное множество вероятностей, существо, называвшее себя богиней, улыбалась так красиво, что у любого при виде этого застыло бы сердце.

— Я посвящу свои божественность и душу... *защите людей.*

Затем, словно в ответ на эти слова, во дворе особняка раздался скрипящий звук.

Харли даже не посмотрела в ту сторону.

Она знала, что ничего не увидит.

Во дворе расположился Слуга Харли, ставший невидимым с помощью магии.

Поскольку он вобрал в себя обломки разрушенной им мастерской Баздилота, ему было не так-то просто перейти в призрачную форму, поэтому они обходились магией невидимости и сокрытием магической энергии.

Однако женщина, назвавшаяся Иштар, похоже, всё ещё могла отчётливо воспринимать Слугу, поскольку она бросила взгляд во двор сквозь стеклянную стену и произнесла:

— Ты так не считаешь?

В ответ раздался звук, похожий на скрежет гребного винта крупного корабля.

— Ох, серьёзно? Похоже, она думает, что эти высокие каменные башни – это ливанские кедровые леса, — пожав плечами, сказала богиня с кривой улыбкой,

словно разговаривая с домашним любимцем. — Ладно, позже я отведу тебя в настоящий лес. Этот мусор, наверное, там...

— Но теперь, когда Гильгамеш выбыл из игры, он набрался ума и не представляет угрозы.

×

×

Далёкое прошлое. Лес гигантских деревьев.

«Тебе нужно учиться».

«Постигать людей».

«В лесу Энлиля Уту создал “идеального человека”».

«Узри её, поведай о ней и вылепи себя по её образу».

«После Нинурта поделится с тобой силой».

«Прежде чем мы выпустим тебя в леса Урука, тебе нужно провести время с «человеком», возвращённым Уту».

«Закончи себя и стань подобием человека».

«Ибо ты есть глина, имитирующая всё живое».

Воля богов.

Когда этот непреодолимый «долг» оказался запечатлён в куске глины, приятная дрёма закончилась. И последовало пробуждение в этом мире...

— — — — —

Мир объял крик, разорвавший небо и землю.

В нём не было слов.

Это был просто кружащийся вихрь чистой ненаправленной эмоции.

Первым, что «инструмент» по имени Энкиду запечатлел в этом мире, были нескончаемые крики.

Один лишь их звук уничтожал всё вокруг, оставляя лишь пыль.

В «процессе» божьего созидания он был брошен в сердце этого вихря криков.

Однако... «брошен» было всего лишь объективным описанием.

На самом деле было бы честно сказать, что боги вкладывали все свои силы в создание этого абсолютного оружия.

^{Она} Он был божественным гомункулом – инструментом, оружием и независимым механизмом обработки – созданным богами Месопотамии с целью вернуть на путь истинный дитя, выродившееся в человека.

Именно поэтому то, что Энкиду оказался посреди губительного гласа, было необходимым шагом.

Её
Его с любовью... нет, с чем-то сродни любви, словно младенца в первую в его жизни ванну, поместили сюда в качестве последней меры предосторожности.

Спустя семьдесят дней, проведённых в этом шуме, Энкиду распознал в громоподобном рёве «человеческий голос».

Процессор, брошенный в этот мир в состоянии абсолютной невинности, снабжённый лишь ролью, которую на него возложили боги, и необходимым минимумом информации. Она начал впитывать данные, выбирая, что может оказаться необходимым и какие типы знаний лучше накапливать.

Интеллектуально Энкиду уже был дан определённый богами ответ на вопрос, чем был источник криков.

Это было существо, называемое «человеком».

Это был, как заявили боги, апофеоз и идеал человеческого рода, с которым Энкиду должен был встретиться.

В своём изначальном состоянии Энкиду ещё не знал, что такое слова. С его точки зрения могучие слова богов воспринимались как «ощущения».

Но даже так Энкиду не отвернулся от этого «идеального человека» и продолжал впитывать крики.

В результате, дабы ответить голосу, Энкиду преобразался в некое подобие огромной глиняной куклы.

Если бы этот автоматон оказался полностью поглощён «криками»... то он не смог бы достичь взаимопонимания с храмовой проституткой Шамхат.

Может быть, Энкиду даже не узнал бы в Шамхат «человека».

Вот как сильно «идеальный человек», с которым она столкнулся по воле богов, отличался от людей, ходивших на двух ногах в Вавилоне.

Тем, что в последний момент свяжет Энкиду с человеческим обществом... был голос девочки, возникший среди бесконечных криков подобно пузырькам воздуха из водорослей.

— Кто это?

Здесь кто-то есть?

Прежде чем Энкиду осознал это, вокруг него начали распускаться небольшие цветы.

Процессор богов научится.

Буря криков успокоилась, словно их и не было вовсе, и раздалась серия нежных звуков, которые, похоже, что-то значили, но лишь на то недолгое время, пока цветы продолжали цвести.

Далеко не сразу Энкиду понял, что означали эти звуки – понял, что такое «слова».

И независимый процессор учился.

Энкиду узнал, что несмотря на то, что у криков, похожих на бесконечный гром, не было какого-либо словесного значения... они продолжали врезаться в этот мир эмоцию под названием «негодование» в форме проклятия.

Им не было конца. Они не достигали цели. «Люди» просто продолжали кричать.

Выкрикивать проклятие, которое никогда не достигнет места, являвшегося для Энкиду началом всего сущего.

Однако Энкиду, осознав это, остался спокоен.

Если это были те самые «люди», о которых говорили боги, то, наверное, такова была их суть. Энкиду бесстрастно записал этот факт и сделал его основой для своих вычислений.

Оказавшись между бесконечными криками и нежным голосом девочки, который то и дело всплывал на поверхность, процессор – который не мог даже различить «нежность» - впитывал знания о людях с полнейшей отрешённостью.

Лишь миссия, возложенная на него ^{неё} богами, продолжала отдаваться эхом в пустой душе Энкиду.

«Общайся с людьми».

«Пронзай и быстро сшивай».

Занятый вычислениями кусок глины ещё даже не был куклой.

Энкиду просто рассудил, что это было необходимо для его ^{её} миссии, и предпринял дальнейшую попытку вступить в контакт с «идеальным человеком».

Пока что Энкиду просто запоминал слова из «её» шёпота и постигал ситуацию.

^{Она} Он ещё не достиг уровня, необходимого для беседы.

В поисках способа исполнить возложенную на него ^{неё} роль Энкиду пробовал различные формы взаимодействия с «идеальным человеком».

Пока однажды в процессе... он не заставил цветы вокруг него расцвести.

В памяти Энкиду не осталось записей по поводу того, почему он решил это ^{она} сделать. Может быть, это было просто совпадение или же вмешался некий фактор, который тогда ещё несовершенный Энкиду не мог распознать.

Но результат, по крайней мере, огнём запечатлелся в цепях Энкиду.

Крики негодования на мгновение утихли, и «она» явила себя.

— Спасибо.

— Красивые... да?

Энкиду не заметил лёгкую дрожь в своей системе при звуках этого голоса.

Позже, однако, оружие поняло.

Это был первый момент, когда он ^{она} преуспел во взаимном обмене «волей».

Время – и слова – текли рекой.

Энкиду запомнил точное количество дней, но не видел в этой информации никакого смысла.

Оружью было всё равно, сколько времени прошло. Важно было лишь то, что он начал понимать «людей».

«Эй».

«Эй».

«Мы твои друзья, Энкиду».

«Но скоро перестанем ими быть».

«Потому что мы больше не можем никуда отправиться».

«Мы больше не сможем видеть то же, что и ты».

«Мы наверняка забудем про тебя».

«Для нас ты был подобен цветку, Энкиду».

«Ты спас нас от одиночества».

«Мы надеемся, что однажды ты тоже встретишь того, кто подобен цветку, Энкиду».

«Того, кто снова расцветёт, даже если его или её будут ждать увядание и смерть».

«Того, кто подобен цветку... который расцветает где угодно».

Прежде чем Энкиду это осознал, она, поднявшись из вихря негодующих голосов, начала образовывать собственное небольшое тело.

Внимание Энкиду привлекли издающее звуки приспособление, а также аудио- и визуальные сенсоры, которыми было снабжено это «маленькое тело».

Череп, лицо, голова.

Энкиду сопоставил предоставленные ему богами образы со словами, которые ^{ей} он узнал от «неё».

Макушку головы, которую Энкиду, казалось, мог бы раздавить, приложив даже малейшее усилие, украшал цветок, который ^{она} он заставил расцвести за несколько дней до этого.

Затем... она сорвала другой цветок.

Это был один из тех, что расцвели, когда она впервые появилась – в день, когда Энкиду впервые столкнулся с ней.

Когда «она» украсила этим цветком голову Энкиду – всего лишь большой кусок глины – её визуальные сенсоры и речевой аппарат на её голове приняли странные очертания.

Гораздо позже Энкиду узнал, что это была «улыбка».

В то время Энкиду больше беспокоило то, что плавало вокруг неё.

Это были семь небольших колец, сиявших подобно радуге после дождя, которые, похоже, защищали «её».

Энкиду рассудил, что эти кольца света были «идеальными созданиями», и запечатлел их сияние в своей душе.

Большой кусок глины, достаточно крупный для того, чтобы вобрать все «их» крики негодования, раздававшиеся, когда у девочки не было формы, и настроивший своё сознание для этой цели, впервые позволил возникнуть в своей душе тому, что люди называют «надеждой».

Даже когда он подчинился приказам ^{она} богом и покинул лес.

Даже если он уничтожит людей ради своего ^{она} долга... он должен вновь увидеть это идеальное, прекрасное сияние.

Энкиду запечатлел это желание в своей системе, не проанализировав даже ^{она} причины, по которой он это сделал.

Желание оружия исполнится спустя много-много лет.

Но
в следующий раз, когда Энкиду увидел «её»
это сияние...

×

×

Настоящее. Сноуфилд. «Кристал Хилл». Верхние этажи.

Цветы, что впервые расцвели, когда он встретил «её».
Какого цвета они были?

Верхние этажи «Кристал Хилл».

Прямой лифт к люксу в данный момент использовала лишь избранная группа людей. Официальная причина – повреждение стёкол из-за сильного ветра.

Шагая по красному ковру коридора этажом ниже, Энкиду вдруг осознал, что вспоминает события из своей жизни.

Вспоминает цветы, выросшие в чаще леса, где он проводил время с сущностью по имени Хумбаба.

Он вспомнил окрас цветов, которые заставил расцвести для «неё».

Скопления бледно-синих цветов.

После Энкиду никогда больше такого не повторял, поскольку в этом не было нужды, но если бы кто-нибудь попросил показать их, он бы сделал это с лёгкостью.

Однако в итоге он не смог вспомнить цвет тех цветов, что были с «ней», сущностью, называвшей себя Хумбабой.

Почему Энкиду пытался думать о тех цветах, существовавших в пространстве, которое не было ни записью для его «завершения», ни воспоминанием?

Энкиду проанализировал причину, тотчас же получил два ответа и с лёгкой улыбкой опустил взгляд.

Это была не столько насмешка над самим собой, сколько улыбка чистой ностальгии.

Первая причина заключалась в том, что он узнал о воплощении в этом мире своего родича – Хумбабы.

Вторая же...

— Дело не в личности или цвете их душ... Может быть, они чем-то похожи в своей мимолётности.

Энкиду продолжал идти вперёд, ощущая присутствие девочки во внутренних помещениях верхнего этажа.

— ?

Повернув за угол, он обнаружил несколько мужчин и женщин в чёрном, которые смотрели на него с тревогой и смятением.

— Эй, ты что такой? Стоять!

— Посторонним сюда не... Подождите. Босые ноги...

— Неужели?.. Он не маг. Его магическая энергия подобна... самой Земле...

— Слуга?.. Только не говорите мне, что это Лансер!

Лишь нескольким членам организации, занимавшей люкс, была известна внешность Энкиду.

Тем, кто через своих фамильяров наблюдал за его битвой с Гильгамешем в первый день.

Им поведали о его отличительных чертах, но никто из них не ожидал, что он просто предстанет перед ними в коридоре среди бела дня.

Магическая энергия, переполнявшая тело Героической души, была аналогична той, что текла по духовным жилам земли, и безмятежна, словно спокойная морская гладь. Многие заклинатели и маги не смогли бы этого засечь даже с близкого расстояния.

Вот почему, заметив это, они поняли.

Они как будто уловили запах морской воды и внезапно осознали, что перед ними появился огромный кит.

Атаковать было слишком поздно. Они сомневались, что смогут причинить ему хоть какой-нибудь вред, даже если нападут первыми.

Они не были связаны контрактом с Героическими душами и поэтому были практически бессильны. Им даже был отдан строгий приказ ни за что не ввязываться в бой с Героической душой при его или её появлении.

Они не на секунду не забывали про своё вооружение, но никто даже не попытался схватиться за огнестрельное оружие в кобурах или атакующие Тайные знаки.

Увидев это, Героическая душа улыбнулась и спокойно произнесла короткую фразу:

- Я прохожу.

Голос нельзя было однозначно назвать мужским или женским, но пол Героической души не имел для охранников в чёрном никакого значения.

Не только его внешняя красота, но и вообще всё, включая магическую энергию, которую он излучал, и то, как он двигался, говорило им, что это было «идеальное тело».

Перед лицом этого факта возраст и пол были мелочью. Проклятия или магия, разнившиеся в зависимости от пола, были бы бессмысленны против этого могучего существа.

— ...

Люди в чёрном, каждый дюйм кожи которых покрывал холодный пот, были не в силах что-либо сделать. Они застыли, как каменные изваяния.

Минуя их, Героическая душа слегка опустила взгляд, словно в раздумьях, остановилась и сказала:

— Расслабьтесь. Я сюда не драться пришёл. На самом деле, если бы вы решили сражаться, то объект, который вы обязаны защищать, мог бы случайно пострадать.

— ?..

Выражение залитых потом лиц охранников говорило о том, что они не поняли, что именно пытался сказать Энкиду. Он же, не переставая улыбаться, бесстрастно изложил им факты без всякого намёка на иронию или одобрение:

— Я хочу сказать, что вы не ошиблись в своём выборе. Поэтому вам не нужно чувствовать ответственность... Надеюсь, вы и впредь будете принимать правильные решения.

«Правильные для кого?» — хотели спросить они, но не смогли выдать из себя ни звука.

У них было такое чувство, словно Слуга, который просто прошёл мимо, постиг само их естество, и это привело их в ужас. И затем эта Героическая душа, обернувшись, произнесла:

— Всё хорошо, Мастер. Я обезвредил все защитные системы в этом коридоре... Это значит, что здесь безопасно.

— ?!..

Мастер.

При этом слове напряжение охранников достигло предела.

Они с изумлением узнали, что Героическая душа обезвредила всю их защитную магию без всяких видимых действий, но причина, по которой он это сделал, встревожила их ещё больше.

Тот факт, что они столкнулись не только со Слугой, но ещё и с Мастером.

Их глава, которую они должны были охранять, в данный момент всё равно что потеряла своего Слугу.

Если этот Мастер пришёл предложить союз, то он вполне может просто устранить её, как только осознает ситуацию, разве нет?

Обеспокоенные охранники обратили своё внимание на угол коридора.

Спустя мгновение... медленными, осторожными шагами, пригнувшись, из-за угла показался покрытый гладкой серебряной шерстью волк.

×

×

«Кристал Хилл». Люкс на верхнем этаже.

— Ты пришёл убить Его Величество?.. — тихо спросила Энкиду девочка – Тина Челк – когда тот открыл дверь.

В помещении находилось более десяти её подчинённых в чёрных костюмах.

Однако, как и охранники в коридоре, они были не в состоянии предпринять неосторожные действия, когда перед ними внезапно предстал Слуга.

От вопроса Тины в комнате возник нервный трепет.

— Для Мастера в Войне за Святой Грааль это правильный вывод, но он не соответствует действительности.

— Тогда... ты здесь, чтобы казнить меня? Я опозорила Его Величество, твоего лучшего друга.

— Тут ты тоже не права, — покачал головой Энкиду, всё ещё улыбаясь, но как-то беспристрастно.

Внимание Тины было сосредоточено на Энкиду, но смотрела она не на него.

Она стояла посреди того, что в каком-то смысле являлось роскошной «мастерской мага», обставленной личными вещами Короля героев, и вливала огромные объёмы магической энергии в существо, которое лежало в её центре.

— Твои Магические цепи... нет, ты сама связана с этими землями, не так ли? — произнёс Энкиду, явно впечатлённый. — Вот оно что. *Неудивительно, что у тебя похожая аура...* Твой народ пытался сделать то же, что и старые боги.

— ?..

Странные слова Энкиду привели Тину в лёгкое замешательство, но у неё, похоже, не было времени задумываться над ними, поскольку она продолжала направлять магическую энергию в центр комнаты, даже не взглянув на него.

— Ты знаешь, кто я?

— Его Величество называет тебя своим другом.

Тина всё ещё не смотрела на Энкиду. Каждый дюйм её тела покрывал пот из-за обращения с огромным количеством магической энергии. Тем не менее, ответила она твёрдым голосом, по всей видимости, решив не проявлять слабость.

— На ум приходит лишь одна Героическая душа, которую Его Величество может назвать своим другом и которая также может сравниться с ним в грубой силе.

— Даже не знаю. Вероятно, так оно и было, когда я был жив, — уклончиво ответил Энкиду.

Облачённые в чёрное подчинённые Тины, стоявшие рядом с ней, постепенно начали двигаться.

— Если ты не намерен сражаться, тогда зачем ты здесь? — настороженно спросил один из них, пожилой мужчина.

Подозрение в его голосе было слегка тронуту надеждой.

Энкиду догадался, что он имел в виду, и с извиняющимся видом покачал головой.

— Если вы полагаете, что я пришёл спасти короля Гильгамеша, то, боюсь, я вас разочарую.

— !..

Слова Героической души обескуражили большую часть тех, кто находился в помещении. Плечи Тины слегка задрожали.

Тем, что находилось в центре комнаты – тем, на что смотрел Энкиду – действительно был «труп» Короля героев.

Гомункула Айнцбернов, которую Гильгамеш назвал Иштар.

Из-за её вмешательства Гильгамеша поразили стрелы Алкида, а затем его пронзило чудовищное «нечто», появившееся сразу после этого.

Несомненно, это был смертельный удар.

Что ещё хуже, его тело начала снедать неведомая сила, а раны продолжали гнить, даже пока он был ещё жив.

Его физическое дело всё ещё существовало лишь благодаря Тине, которая черпала невероятное количество магической энергии из духовных жил, чтобы удерживать его духовную основу в человеческой форме, и предотвращала рассеивание грубой силой.

Глядя на Гильгамеша в таком состоянии, сохранившего лишь форму Слуги, Энкиду бесстрастно выразил своё мнение:

— Тело Ги́ла поразили два яда. Если бы это был только яд гидры, я бы вскрыл его сокровищницу и, вероятно, нашёл противоядие. В конце концов, он говорил, что однажды отправится охотиться на змей на краю света. В дополнение к телам и противоядиям, в его сокровищнице может даже найтись пара кухонных принадлежностей, сделанных специально для них.

Энкиду продолжал говорить как ни в чём не бывало, словно рассказывая повседневные шутки.

Тина скрипнула зубами и с намёком на гнев ответила, по-прежнему не глядя на него:

— Разве ты не... друг Его Величества?.. Как ты можешь говорить так спокойно?!..

Её крик был слишком высокомерным, чтобы соответствовать нраву девочки, которая в некотором роде всё ещё была ребёнком.

Энкиду принял это. Он перестал улыбаться, но когда ответил, выражение его лица оставалось спокойным.

— Потому что я его друг.

— Что?..

— Мы с Гилом провели вместе много незабываемых дней. Мы уже покончили с нашим вечным расставанием и вызванной этим скорбью. «Нынешние» мы – лишь тени, запечатлённые в человеческом порядке. Мы можем радоваться нашему воссоединению, но нам не нужно вновь скорбеть из-за расставания. Не думаю, что Гил пролил бы слезу, если бы здесь на грани смерти лежал я, да и я не стал бы просить его об этом.

— ...

В профиле Тины возникло замешательство.

Она всего один раз взглянула на Энкиду, но ей не хватало жизненного опыта, чтобы рассудить, правду он говорил или нет, по одному лишь выражению его лица.

— Полагаю, тебе будет сложно это понять. И я могу догадаться, почему ты обращаешь свой гнев на меня. Что ж, если тебе станет от этого легче, можешь проклинать меня сколько душе угодно.

— ...

Услышав это, Тина впервые полностью повернула голову, чтобы посмотреть на Энкиду. В её глазах горел целый букет эмоций – гнев, печаль, страх. Затем, после мимолётного взгляда, который будто бы молил о помощи, она опустила голову и разочарованно сказала:

— Нет... Это не... Мне жаль... Мне... очень жаль...

Явное извинение перед Энкиду слетело с губ магессы, которая в чём-то всё ещё была ребёнком.

— Я ненавижу не тебя...

Через Магические цепи Тины текло огромное количество магической энергии. Каждый нерв в её теле начинал протестующе стонать.

Однако, когда она произнесла следующие слова, её лицо было искажено не болью, а сожалением.

— Я... не могла ничего сделать... Я вообще ничего не сделала...

Тина замолкла.

— Ты использовала два командных заклинания, разве нет? — спокойно спросил Энкиду, не утешая её и не обвиняя.

— !..

Энкиду смотрел на тыльную сторону левой ладони Тины.

Большая часть её командных заклинаний, метки Мастера, потускнели. Осталось лишь последнее.

— Одно, чтобы призвать его сюда, и ещё одно, чтобы попытаться исцелить... Для Мастера это было хорошее решение. Если бы не это, то Гильгамеш не смог бы поддерживать форму своей духовной основы.

— Ты сказал, что... его поразили два яда? — спросила Тина, не переставая вкладывать все усилия в поддержание духовной основы Гильгамеша. Она, похоже, начала понимать личность Энкиду, поскольку в выражении её лица стала проступать та её часть, которая была воспитана магом.

— Да. Второй ближе к проклятию, чем к токсину.

Энкиду прищурился, осматривая рану на теле Гильгамеша.

— Думаю, это то, что люди называют «иронией».

— ?

— Тело короля Гильгамеша пронзило, часом, не радужное сияние?

— !.. Ты знаешь, что это было?

Разум Тины воспроизвёл сцену поражения Гильгамеша.

Семицветный ореол, отличный от огромного механического «нечто».

То, как он свернулся, приняв форму бура, и вонзился Гильгамешу в живот.

— Это была защита богов. И также проклятие для человеческой расы... Свет, проникший в Ги́ла, был одним из них, проклятием, снизошедшим от Чумы.

— Чумы?..

— Вероятно, нам стоит радоваться присутствию яда гидры. Он и чума пожирают друг друга... Поэтому болезнь не распространилась. Если бы не яд, то высока вероятность, что все вы – и, возможно, я – уже угодили бы в бездну смерти.

Тина и её подчинённые резко вздохнули от спокойного заявления Энкиду.

— О, способ его лечения менять не нужно. По моим оценкам, яд и проклятие исчезнут вместе с духовной основой тела по имени Гильгамеш. Это больше не «его» духовная основа. Теперь это просто труп древнего человека.

— Что это было за существо?.. Тот металлический гигант? Что ты знаешь?..

— Посмотрим. С чего бы начать?..

Энкиду опустил взгляд, словно погрузившись в размышления, и затем постепенно начал рассказывать о своей причине появления здесь.

— Я пришёл, потому что хотел узнать немного больше обо всех вас.

— О нас?

— Вы пытались использовать Ги́ла, но он пощадил вас. Мне стало любопытно, что вы за люди. Гил тоже интересовался моим Мастером, но...

Энкиду улыбнулся Тине и продолжил, не сказав, каково было его собственное суждение.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем наше сотрудничество. Я также хочу сделать всё, что в моих силах... чтобы убрать это злое божество со сцены.

— Какое божество? Ты про того стального монстра, который ранил Его Величество?

— Нет, я про... Хм?..

В следующее мгновение Энкиду поднял голову, будто что-то заметив.

— Здесь... кто-то есть.

— Что?

Не ответив на вопрос Тины, Энкиду медленно обвёл взглядом окружающее пространство.

— Это... человек? Нет... Похоже на человека, но...

— Хочешь сказать, что в этой комнате кто-то скрывается?

Тина в замешательстве проверила окружающую магическую энергию, но ничего такого не ощутила.

Однако Энкиду явно был уверен в чужом присутствии. Стерев с лица все эмоции, он произнёс:

— Нет... не скрывается... Вероятно, всё с точностью до наоборот.

— ?

— Похоже, что... нечто пытается прощупать это место с обратной стороны мира.

×

×

Закрытый город. «Кристал Хилл». Люкс на верхнем этаже.

— Так я и знал. Похоже, что у этой комнаты «самые тонкие стены».

Сноуфилд, воссозданный внутри загадочного барьера.

В люксе на верхнем этаже местного «Кристал Хилл» находились Флат Эскардос, Берсеркер Джек-Потрошитель и служители Святой Церкви с Ханзой Сервантесом во главе.

— *Вот как... Но что это за место? Мы на верхнем этаже отеля, однако помещения не похожи на гостевые. Напоминает мне мастерскую мага, но убранство излишне экстравагантное.*

Флат ответил на вопрос Джека, с растущим возбуждением окинув взглядом комнату:

— Тебе не кажется, что тут как в музее?! Красивые драгоценные камни, золотые тарелки и целая куча потрясных вещей!

Помещение, которое должно было представлять собой самый роскошный номер в отеле, был украшен бесчисленными сверкающими сокровищами, на вид совершенно новыми, несмотря на античный стиль. Их было столько, что это действительно можно было назвать своего рода выставкой.

— Я видел такие на лекциях профессора. Наверняка это сокровища откуда-то из Месопотамии, но... хм-м... Они сделаны так, что в них должна храниться магическая энергия, но я ничего не ощущаю... На фальшивки не похожи, но они словно пустые оболочки. Странно, — высказал своё мнение Флат, пристально глядя на украшения.

— Но если здесь стены тоньше всего, — вклинился Ханза, стоявший за его спиной, — то это значит, что ключом является высота?

— Нет, не думаю... У меня такое чувство, что это место находится в уникальной гармонии с миром за пределами барьера. Словно обе стороны связаны, или...

В этот момент Флат сместил своё внимание на точку в центре номера.

В середину самой большой комнаты.

Там на полу был начерчен магический круг неизвестной в Часовой башне системы, но цель магии отсутствовала.

— Что это? Думаю, это круг для стабилизации... но в нём ничего нет.

— Похоже, это всё-таки чья-то мастерская.

— Технически я нейтрален. Я могу предположить, чья она, но отказываюсь комментировать.

Пожав плечами, Ханза высказал то, что вполне можно было и не говорить.

Поддерживая необходимый минимум настороженного внимания по отношению к Ханзе и монахиням, изучавшим номер, Джек продолжил:

— Может в круге пусто, потому что ритуал ещё не начался?

— Нет... Это странно. Мне кажется, что здесь уже что-то происходит, но... Этот круг неактивен... но место точно то самое.

Флат в замешательстве помахал рукой над центром пустого круга.

— Причина, по которой это место сильнее всего связано с миром «за пределами» барьера, с настоящим городом...

×

×

Сноуфилд. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Да, здесь точно что-то есть, но я чувствую лишь присутствие, — раздался голос Энкиду за пределами барьера, на верхнем этаже «настоящего» отеля «Кристал Хилл».

Услышав это, подчинённые Тины выхватили оружие или Тайные знаки и поспешно осмотрели помещение.

На их лицах читалось замешательство. Похоже, что они не нашли даже следов магической энергии.

Однако благодаря высокому уровню навыка «Обнаружение присутствия» Энкиду уверенно фиксировал некое «колебание».

И, обнаружив его центр, он с лёгким удивлением посмотрел на лицо своего полумёртвого друга.

— Это... я подозреваю, не было учтено.

На его лице тихо расцвела ухмылка, и было в ней нечто человеческое в отличие от его обычной невыразительной улыбки... но никто в комнате её не увидел.

— И всё же... ты и вправду не изменился, Гил.

Догадываясь, что случилось с охваченным ядом и проклятием Гильгамешем, Энкиду спокойно принял его «курс».

Позволив при этом лучу надежды, неподобающей для арифметико-логической единицы, блеснуть в его сердце.

— Я поражён, что ты всё ещё тянешь на себе судьбу целого мира даже после остановки всех твоих функций.

Из-под полы его облачения возникли бесчисленные мерцающие золотые цепи, которые мгновенно расползлись по всей комнате.

— Что ты?!.. — вскричала Тина, и её охранники напряглись.

Однако Энкиду заверительно распростёр руки, изображая беззащитность, и произнёс:

— Прошу, не тревожьтесь. Это нужно не для нападения на вас. Правда, и не для защиты.

Подмигнув, словно озорное дитя, Энкиду возвёл несколько слоёв защитных мер вокруг лежавшего у его ног серебряного волка – его Мастера – и с тоской вспомнил свои «дни приключений».

— Я просто стану чужим инструментом, как и всегда.

— В данном случае... выражаясь вашими терминами, я буду «усилителем».

×

×

Закрытый город. «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Чего?! — удивлённо выкрикнул Флат, чем привлёк к себе внимание окружающих.

— В чём дело? Какие-то проблемы?

— Нет, я бы так не сказал, — ответил Ханзе Флат с выражением замешательства на лице. — Больше похоже на то, что проблема решена...

Управляя магической энергией кончиками пальцев обеих рук, Флат начал переписывать начертанный на полу магический круг.

— *Что ты намереваешься делать?*

— Поскольку с асфальтом, который разворотило в реальном мире, здесь всё нормально, — ответил Флат на вопрос Джека, не прерывая работу, — я думаю, что создатель барьера, наверное, может игнорировать крупный урон и решил не *копипастить* его. Но присутствие вражеского магического круга говорит о том, что диапазон «вещей, которые было бы неудобно копировать», должен быть довольно узким.

— Воссоздание настоящего города внутри барьера – это копипаст? Я смотрю, молодёжь в Часовой башне современная даже в своих выражениях, — пожал плечами Ханза, с интересом наблюдая за Флатом.

— Большое спасибо! По мне, может, и не скажешь, но я с факультета современной магии! Благодаря профессору я современный по самые уши!

Дав несколько необычный ответ, Флат продолжил осматривать окружение.

— Так я и знал. Ближе всего к этому месту, наверное, Зеркало души... Но всё же... Нет, лучше профессора это вряд ли кто-то объяснит. Да и видел я такое лишь однажды. На лекциях мы это не проходили.

— Что именно видел?

— Нечто подобное было в Уэльсе. На кладбище... Но если там был «мир-барьер, воссоздающий прошлое», то это, должно быть, «мир-барьер, воссоздающий настоящее».

— В Уэльсе?... Только не говори мне, что ты про кладбище Блэкмор, основанное кланом, который сильно связан с Мёртвыми Апостолами? Один мой знакомый священник и монахиня, с которой я никогда не ладил, чуть там не погибли... но я даже не думал, что ты там тоже был.

В голосе Ханзы чувствовалось удивление. По какой-то причине глаза Флата восторженно засияли.

— О, Вы знаете об этом! Да, этот мир внутри барьера похож на огромную сцену, изображающую целый фальшивый город... Как сеттинг в некоторых играх. Кажется, был ещё фильм такой с Джимом Керри.

— Я очень даже уверен, что там был город, построенный с нуля, а не копия... Впрочем, последняя сцена была отличная. Хороший фильм.

— Ещё бы! Я хочу научить мою подругу из жидкой ртути приветствию из него при следующей встрече!

— *Хватит болтать. Никакой встречи с этим Тайным знаком не будет, если ты не выберешься из этого мира.*

— Ой. П-прости...

Выдернутый Джеком обратно в реальность Флат удручённо вернулся к теме.

— Слот-машины не работают, автомобили стоят на месте. Исходя из этого, я думаю, что реальный мир не зеркалится постоянно, просто регулярно происходит выделение и копирование «миров» по одному моменту за раз. Есть также припаркованные машины, так что я полагаю, что объекты, данные о местоположении которых сильно меняются в «конкретный момент», не отражаются.

— Вот как... В таком случае в этом номере в реальном мире происходит что-то, связанное с этим магическим кругом. Или кто-то пытается открыть проход сюда?

— Хм-м. Не похоже было, судя по тому, как до сих пор искажалась магическая энергия... но это только что изменилось. Как бы лучше выразиться... Как будто мой телефон внезапно начал ловить связь на целых три деления, несмотря на то, что мы находимся в подземном тоннеле, или... Точно! Мой телефон!

Флат торопливо достал свой мобильный телефон, положил его на стоявший рядом мраморный стол и начал копаться в окружающих предметах.

— Посмотрим. Я одолжу это... и вот это...

Он выбрал несколько исторических артефактов, по всей видимости, месопотамского происхождения, которыми была украшена комната, и начал насыщать их магической энергией, вновь превращая в ритуальные приспособления.

— *Что ты задумал?*

— Ну, похоже, из некоторых украшений получатся вполне годные Тайные знаки, вот я и решил попробовать возвести с их помощью простой алтарь. Затем... Как бы лучше выразиться? Это всё равно что постучать по стене и получить ответ. Если повезёт, я смогу соединить свой телефон с «внешним» миром.

— *Понятно... Нет, стоп, понятно-то оно понятно, но это вообще возможно?*

— Не волнуйся, я уже кучу раз проделывал нечто подобное. Мы с моим одноклассником Каулесом то и дело перегоняли магическую энергию в радиоволны и обратно, так что, думаю, всё прокатит, — беспечно произнёс Флат.

Джеку стало не по себе после столь грубого объяснения, но он лично становился свидетелем того, как Флат с аналогичным подходом совершал весьма продвинутые магические трюки, и поэтому решил подождать и посмотреть, что из этого получится.

«Когда из-за силы того Кастера мои мысли смешались с мыслями Мастера... я каким-то образом постиг природу его магии».

«Она похожа на восточные идеи. Он не ограничивает свою магию какой-то одной системой, определяя границы самого себя... или, скорее, не может».

«Он создаёт и совершает большую часть своей магии на месте с помощью одного только чувства. Если попросить его вновь создать ту же магию, то Флат, наверное, повторит её лишь примерно».

«Он не ломает стереотипы, потому что у него их никогда и не было. Я удивлён, что этот маг, Эль-Меллой II, смог вырастить такого enfant terrible, **(Фр. букв. «ужасный ребёнок» - несносный ребёнок, крылатое выражение.)** как он».

Наблюдая за Флатом, Джек подумал, что с таким учеником любой обычный маг либо сломается сам, либо попытается сломать Флата.

Он обладал базовыми познаниями в магии благодаря историям о том, что Джек-Потрошитель был магом, но даже с этой точки зрения и даже с точки зрения уникального Слуги, который отчасти смешался со своим Мастером, Флат был аномалией.

«Я знаю, что это странный вопрос из уст того, кто сам не знает, кем является... но кто же такой мой эксцентричный, но при этом надёжный Мастер?»

Пока Мастер и Слуга общались друг с другом, Ханза осматривал город с высоты верхнего этажа.

— Отсюда выглядит как самый обычный город... Тем не менее, похоже, мы действительно оказались в закрытом мире.

Глядя вдаль с высоты небоскрёба, он мог разглядеть нечто, похожее на густой туман, поднимавшееся на значительном расстоянии от города.

Ханза сомневался в том, что за этим туманом что-нибудь существовало. Воссоздание целого мира выходило за рамки обычной магии.

— Тогда это скорее не воссоздание мира, а перемещение в параллельную реальность... Впрочем, ситуация и так безумнее некуда.

Обозревая городской пейзаж, Ханза пожал плечами. К нему быстрым шагом подошла одна из монахинь.

— Ханза.

— Что?

— Там что-то странное.

Ханза повернулся в том направлении, куда она бесстрастно указывала. Остальные три монахини тоже собрались у окон на той же стороне здания.

— Что-то произошло?

— Была замечена активность, отец Ханза. Вон там.

Проследив за пальцем вежливой монахини с повязкой на глазу, Ханза увидел нечто, похожее на поднимающееся облако пыли.

— Это...

Внутри облака периодически вспыхивали огни и языки пламени.

Это очень сильно походило на битву перед больницей, за которой они наблюдали из церкви минувшей ночью.

Вскоре возник особенно сильный всплеск света... и они увидели огромные очертания.

— Цербер. Мы видели его вчера... но разве он был таким большим?

Трёхголовый монстр был крупнее среднего дома.

Увидев его, Ханза исполнился подозрений даже быстрее, чем насторожился.

— Тот Арчер с тканью на голове тоже здесь? Нет... Если бы он мог так увеличить его в размерах, то, наверное, сделал бы это ещё прошлой ночью...

В голове Ханзы пронеслись несколько теорий.

«Я уверен, что тело того демонического зверя осталось лежать на дороге».

«Значит, его просто затащило сюда, как и всех нас?»

«Это Слуга, создавший этот мир, придал ему сил?..»

По крайней мере, предполагаемый Мастер Слуги, Куруока Цубаки, такой магии не знала.

Это сужало возможности.

Это сделал либо Слуга, либо один из тех, кто пытались воспользоваться ситуацией в городе, либо опасное существо, которое хотело лишь нести хаос вне зависимости от обстоятельств.

— Каков план, Ханза? Если мы в деле, то я пошла переодеваться.

Услышав вопрос монахини со светлыми волосами, Ханза на секунду задумался.

Затем, бросив через плечо взгляд на Флата и Джека, он снял со своего глаза повязку и сказал:

— Нет, это наш шанс. Отсюда открывается наилучший обзор.

Под повязкой скрывался искусственный глаз с множеством Тайных знаков – биологических, механических и даже электронных – внутри мистически обработанного кристалла.

Линзы в кристалле с жужжащим звуком перестроились, словно у робота из фантастического фильма.

Затем с помощью улучшенного в десятки раз зрения Ханза начал наблюдать, но не за битвой, а за окружающими зданиями.

— Если Цербера использует Слуга, то он может быть где-то рядом, следит за боем. Если мне удастся найти хотя бы следы магической энергии...

Тут Ханза замолк.

Он заметил небольшую человеческую фигуру на крыше здания неподалёку от битвы.

— Это же...

Фигура... была ему знакома.

Ханза сразу же выудил нужное воспоминание из своего моря памяти.

В коридоре отеля, в который он запрыгнул, преследуя кровососа после инцидента в полицейском участке.

Там он столкнулся с «ним».

Это был мальчик, на которого, как предполагалось, мимоходом напал тот монстр, кровосос Джестер Картур.

— Да он провёл меня.

Взгляд Ханзы был полон гнева, но уголки его губ поползли вверх.

Если бы он использовал магию дальновидения, направленную прямо на цель, то мальчик заметил бы, что за ним наблюдают.

Однако сейчас Ханза лишь улучшил своё зрение с помощью искусственного глаза.

Можно сказать, что он будто смотрел в бинокль... глядя на существо в обличье мальчика, с радостью следящего за развернувшейся в городе битвой.

Ханза не мог сказать, управлял ли он огромным зверем или нет.

Но в одном священник был уверен точно: кровосос был как-то вовлечён в сложившуюся ситуацию.

— Способность превращаться?.. Должно быть, она у него на впечатляющем уровне, раз он даже своё присутствие сделал полностью человеческим.

Не только Ханза, но и большинство экзекуторов могли видеть насквозь маскировку и превращения, которые полагались на обычную магию или особенности кровососов.

Но при виде этого превращения, с помощью которого существо как будто изменило саму свою душу, Ханза вновь убедился в том, что Джестер был «врагом», которого нельзя недооценивать.

— Снаряжайтесь. Убьём этого кровососа, пока мы здесь.

— Это дитя... тот самый кровосос?

— Может, он просто находится под его контролем.

Монахини отнеслись к приказу скептически, но Ханза слегка покачал головой, глядя на выражение лица мальчика вдалеке.

— Может, он и смог изменить цвет своей души... но эту извращённую улыбку ему не изменить никогда.

В этот момент позади них раздался весёлый голос:

— Я пробился!

Ханза с монахинями обернулись и увидели Флата с улыбкой от уха до уха, радостно приплясывавшего перед причудливым алтарём, который он возвёл, с телефоном в руке.

Сигнал его телефона и магическая энергия, которую Флат использовал для его передачи, только что соединились с «внешним миром» - настоящим Сноуфилдом.

Другими словами, для прохождения этой энергии и сигнала в стенах барьера была проделана пусть и маленькая, но дыра.

Для Флата и остальных это был лишь первый шаг на пути «наружу»...

Но маленькая перемена обернулась крупными изменениями в Сноуфилде.

Это был один муравьиный тоннель в огромной дамбе.

В каком-то смысле можно было сказать, что эта незначительная перемена стала импульсом, который положил конец тупиковой ситуации между фракциями, борющимися за контроль над Сноуфилдом... правда, никто об этом ещё не знал.

Но вне зависимости от этого судьба города начала неумолимо меняться.

Словно показывая, что даже малейшая трещина может рано или поздно положить конец всему.

×

×

В небе над Сноуфилдом. Воздушная мастерская.

— Нашла.

Высоко над настоящим городом.

Находясь внутри большого воздушного корабля, парившего над землёй так высоко, что его даже не воспроизвели внутри барьера, Франческа восторженно ухмыльнулась и прошептала:

— Ура! Наконец-то появилась «дыра». Не знаю, кто её проделал, но мне хочется выдать ему или ей Нобелевскую премию! Да, Нобелевскую премию меня!

— Чего?

Сидя на кровати и болтая ногами в воздухе, Франческа радостно ответила своей тени – Кастеру:

— Я отдаю деньги с Нобелевской премии любому, кто помог мне! Уверена, они будут рады их получить, да и я буду рада, поскольку мне не придётся платить из своего кармана. Фонд Нобеля оказывается в минусе, но выигрывают всё равно две стороны. Плюс больше, чем минус, так что в этом плане всё хорошо! Так мир становится приятнее!

— Нет, я спрашивал, что это за премия такая.

— А? Разве ты не получил эти знания от «Грааля»?

— Ну, судя по всему с Войной за Грааль это никак не связано. Разумеется, тут частный случай, так что я не знаю, как это работало бы в нормальной Войне за Святой Грааль.

Франческа с интересом посмотрела на мальчика Прелати, который набивал рот дорогими шоколадными трюфелями.

— Хм-м. Заставляет задуматься, верно? По-твоему, как много знали ребята в Фуюки? Они действовали в Японии, так что у них в головах, наверное, была как минимум информация о местных законах и политической системе. Эй, ты знаешь, кто сейчас президент США?

— Нет. Но я вроде как знаю, что такое президентство. Ещё я в курсе, как работает телевизор, да и мобильником могу пользоваться без проблем. Правда, я не могу назвать ни одного производителя телефонов.

— Вот как. Хм-м. Интересно, у других Героических душ то же самое? Ты это я, так что ты, должно быть, подключился к моим знаниям, когда мы заключили контракт и связали себя каналом магической энергии.

— Разве это так важно? Что бы мне ни раздали, я могу просто взять любую другую необходимую мне карту позже. Поставить всё на мою текущую руку и погореть тоже было бы довольно весело. Тебе так не кажется?

Прелати прижался к спине Франческа и мягко коснулся её губ кончиком пальца, покрытым растопленным шоколадом.

Франческа ухмыльнулась, кокетливо провела языком по пальцу... затем сверкнула зловещей улыбкой и прижалась головой к щеке Прелати.

— Да, да. Знаешь ли, бесполезно пытаться развратить самого себя. Я уже развращена.

— А это точно не ты пытаешься меня искутить? Я правильно думаю, если приравниваю это к нарциссизму?

— Кто знает. Я бы с радостью призвала Нарцисса и спросила у него. Разумеется, окажись у меня столь эксцентричный катализатор.

Франческа попыталась сменить тему, бросив пару небрежных замечаний о мальчике-греке, чьё имя стало в итоге нарицательным, но Прелати – её собственная тень – не смутился и вернул разговор на прежние рельсы.

— Но ты же трудишься ради того, чтобы сделать мир веселее, верно?

— Ну, лишь оставляя всё на других и срезая как можно больше углов.

— Жду не дождусь. Как сильно, по-твоему, нам удастся обнажить мир, когда Грааль разберётся с тем «великим лабиринтом» - искать даже вход в который уже слишком рискованно – и мы заполучим «микрокосм мира» в его глубинах?

— Ну, обо всё по порядку; только что появилась дверь в «малый лабиринт» этого города – странный мир, созданный странной Слугой!

Хихикая, Франческа начертила в воздухе пальцами несколько линий, в результате чего к ним воспарило несколько зеркал.

— Из всех, кто там заперт, меня больше всего интересует... Львиное Сердце, наверное. Правда, мне до сих пор непонятно, почему появился этот фан-бой, а не малышка Артурия.

Франческа, которая, как и офицеры полиции, уже была уверена в личности Сэйбера, пристально посмотрела в одно из зеркал, показывавшее, как он произносит речь с крыши полицейской машины, и облизнула губы.

— Да, он чудесен. Настоящий *король*, озарённый светом легенды прошлого, который сам сияет в несколько раз ярче.

— У тебя внутри всё зудит? — ухмыльнулся Прелати. Франческа невинно улыбнулась в ответ.

— Конечно! От этого Сэйбера у меня в животе будто бабочки порхают всё это время! Я невольно становлюсь фанаткой! Не такой сильной, как Жанны или Жилия, но где-то рядом. Ты понимаешь? Конечно же, да!

Франческа оживлённо жестикулировала, словно школьница, рассказывающая о своей любимой поп-звезде.

Глядя на неё, Прелати спокойно продолжил:

— Да, понимаю. Ведь ты это я, в конце концов. Поэтому я знаю, что ты хочешь сделать с этим чудесным королём, который стал твоим кумиром.

— Пойдёшь со мной? Сейчас я не могу создавать иллюзии так же хорошо, как ты.

— Разумеется. Сделаем это внутри барьера?

— Ага. Фалдеуса будет не заткнуть, если мы провернём это здесь!

Мальчик и девочка начали заговорщицки болтать.

Внешне они казались детьми, но внутри этих сосудов извивалось нечто настолько тёмное, что их можно было назвать лишь монстрами.

Парившие вокруг них зеркала показывали события прошлого.

Остаточные образы, которые несли в себе факты, но не отражали истину.

Думая, какую истину стоит в них добавить, чтобы ударить по Львиному Сердцу, Франческа рассеянно смотрела на образ более чем десятилетней давности.

Образ владельца святого меча в синем платье и серебряных доспехах... которая однажды преодолела все трудности, но всё потеряла.

×

×

Во сне.

Город был каким-то шумным.

Ветер был каким-то влажным.

Куруока Цубаки была ещё слишком юна, чтобы выразить свои опасения словами.

Она вообще не должна была даже почувствовать изменение... но благодаря Магическим цепям и влиянию Бледного всадника, связанного с магической энергией, которую они производили, изменения в «мире» вокруг неё и в Героической душе, им правившей, отдавались внутри неё ярким эхом.

Девочка ощутила это во время послеполуденного сна. Она лежала на семейном диване во сне внутри сна – беспокойном сне, который принадлежал только ей.

Мне страшно, папа.

Мне страшно, мама.

Я не совсем понимаю, но, кажется, приближается что-то страшное.

— *Девочка.*

Где мистер Черныш?

Джестер тоже не пришёл сегодня поиграть.

Все опять меня бросают?

— *Девочка.*

Я снова буду одна?

Потому что у меня не получается.
Все опять будут на меня злиться?

— Ты меня слышишь?

Как мне стать хорошей девочкой?
Папа и мама улыбаются мне.

— Ты меня слышишь?

— Чжэн сразу же заметил...

— Но, возможно, люди изменились за две тысячи лет.

Что мне сделать, чтобы они улыбались вечно?
Они останутся со мной?

— Может, ты не понимаешь мой язык?

Мне страшно.
Мне страшно.

— Hello, girl.

— Zaoshanghao, nühai.

— Ohayō? Musume-san?

— Bonjour?

— Chào buổi sáng.

?..

— У тебя. Всё. Окей?

— Что такое «Окей»?..

— Вот я дура.

— Есть предел языкам, которым я могу обучиться по документам в этой комнате.

— «Он» отвлёкся, так что это мой единственный шанс, но...

Кто здесь?..

Мистер Черныш?..

— !

— Ты заметила меня!

— Спасибо, юная леди!

— ?..

Девочка проснулась.

Пробудившись в мире снов, она огляделась, лёжа на ненастоящем диване в ненастоящем доме, но вокруг никого не было.

Она видела родителей, разговаривающих в саду, но не более. Даже мистера Черныша нигде не было видно.

Несмотря на возраст, девочка подумала, что ей всё это приснилось, и она уже готова была побежать к родителям, чтобы избавиться от тревоги, но...

«Здравствуй, девочка, блуждающая во снах».

— ?

Отчётливо услышав голос, Цубаки замерла на месте.

«Не бойся. Я не причиню тебе вреда. И злиться на тебя тоже не буду».

Голос кого-то, кого она не видела.

Обычная девочка в такой ситуации легко завопила бы в ужасе, но Цубаки, что странно, голос совсем не пугал.

Как и при первой встрече с «мистером Чернышом»... она была странно уверена, что голос был на её стороне.

В случае с «мистером Чернышом» - Бледным всадником – дремлющие инстинкты мага подсказали Цубаки, что Героическая душа была «связана с ней».

В этот раз нечто вроде тепла, которое она чувствовала в самом голосе, заставило её человеческие инстинкты принять его владельца как «кого-то, с кем она может чувствовать себя в безопасности».

— Кто ты? Я Куруока Цубаки, — спросила Цубаки, как и при первой встрече с Бледным всадником, и существо с красивым андрогинным голосом ответило:

«Спасибо, девочка. У меня нет имени. Было когда-то, но я его лишилась».

— ?

Цубаки была в замешательстве, не понимая смысла этих слов. «Владелец голоса» спокойно поведал о себе:

«Меня... когда-то называли “божеством” в одном месте».

«Теперь же, однако... я лишь отголосок прошлого. Эм-м, “пережиток”, если угодно».